

Когда посылаешь женщину к черту, побеспокойся о том, чтобы этот путь был свободен. Иначе черт поспешит на помощь к ней сам, и тогда...

Я не побеспокоился. И теперь с нарастающей скорбью осознавал — это конец. Тот самый, с траурной музыкой, слезой на небритой щеке и прощальным сочувствием, дескать, «вот и еще одного садануло, отмучился...»

Делия молча смотрела на меня. От изумления ее и без того солнечные глаза становились все ярче и ярче. А на губах застыла полуулыбка, имеющая отношение еще к тому, что она перед тем мне рассказывала. Рассказывала, пока я ее не прервал. Тому, что услышала, похоже, она не поверила. Разумеется, не поверила. Не поверила наверняка.

Губы ее дрогнули:

— Вань, т-т-ты сейчас что-то сказал?

«Сказал — еще бы! Я сейчас послал ее к черту».

— Да. Я сейчас послал тебя к черту.

— Ой, как интере... — начала она, приложив ладони к щекам, но не закончила, а задорно спросила: — Это такая игра, да? Ух ты! И что мне теперь нужно сделать?

Кажется, она даже приподнялась на носочках.

Ну конечно! Передо мной был ребенок, которому только что неожиданно предложили новое, пока еще не совсем понятное, но необычное и определенно очень интересное развлечение. Ребенок тотчас забыл о предыдущем, сгорал от любопытства и теперь с энтузиазмом приготовился выполнить первое же, какое поступит, задание.

— Это не игра, — мучительно выдавил я из себя, — это жизнь. Мы должны расстаться.

— Расстаться? — вопрос будто замер у нее на губах.

Да и сама она замерла, словно к ней прикоснулись волшебной палочкой. Движение было только в глазах — солнце в них стало гаснуть. Судя по всему, девушка начала понимать, что я не шучу и настроен серьезно. Медленно, отказываясь верить, но все же...

Она вообще была единственным на земле человеком, способным меня понимать. Единственным! Без слов, по губам и глазам. Или сразу сердцем?

— А... как же... Но зачем? Почему??

Все плыло передо мной. Реальность сомкнулась надо мной, как вода над головой утопленника. Я едва владел собой. Внутри все дрожало, горло тисками сжимали спазмы, и даже воздуха не хватало, хотя уж его-то на реке было предостаточно.

Заметив, с каким трудом я сохраняю самообладание, Делия осторожно прикоснулась ко мне рукой:

— Вань, ты же любишь меня! Что случилось?

Вышло так, что руку девушки я не отвел, а скинул. Это получилось как-то некрасиво, несдержанно, отчего мне стало еще хуже.

Я ненавидел себя. И слова, которые слышала девушка, не говорились — они словно высекались мною из крепчайшего камня, с неимоверными усилиями, с потом и стоном. Или сочились из груди, освобожденной от кожи, как от одежды, вместе с кровью.

— Случилось то, что должно было случиться давно, Делия. Да, я тебя люблю! Но быть дальше вместе мы уже не можем. Нет, не мы... я не могу. Я бросаю тебя.

Солнце в ее глазах погасло. Теперь на меня смотрели серьезно, сухо, задумчиво. Так смотрит преподаватель на работу студента, который в кои-то веки ее закончил. Впрочем, преподавателем Делия как раз и была.

— Тебе будет больно.

— Переживу.

Будто принимая ответ, она едва заметно кивнула. Опустила взгляд, снова подняла, закусил губу. Недоверчивый взгляд преследовал меня, и только губа упрямо терзалась идеальным рядом белоснежных зубов. Слегка припухшая из-за этого и блестящая. Она рисковала лишиться меня самообладания окончательно. Я хорошо знал, какое она умела дарить наслаждение. Еще минута и мой рассудок отказался бы мне подчиняться...

Теплоход качнуло сильнее обычного. Рефлекторно одной рукой я ухватился за бортовой поручень, а другой придержал Делию. Тело девушки мгновенно слилось с моим, словно обрело только ему и предназначенное место в пространстве. Знакомое в каждом изгибе и всегда желанное, оно непременно бы подчинило своей магии, утопило бы в страсти, не собери я последнюю волю в кулак.

— Уходи, — шепнул или крикнул, не знаю. — Ты свободна. Иди прочь!

Она отстранилась не сразу. Точнее сказать, не отстранялась вовсе. Это моя рука, спустя мучительные мгновения, медленно стекла с ее талии, как отступивший от берега прибой. Пальцы, будто слегка обожженные, еще хранили тепло девичьего тела, и я не торопился сомкнуть их вместе, чтобы подольше продлить приятную боль.

Только теперь Делия сделала шаг назад. Пусть и не было этого шага — вероятно, лишившись поддержки, она просто встала удобней. Но сейчас я отчетливо видел, как между нами образуется пропасть. Она еще невелика, достаточно собраться и перепрыгнуть, схватить и заново слиться, не отпускать и...

— Ладно, — девушка плотно сомкнула бескровные губы, повторила с надрывом: — Ладно, — и они мелко задрожали, — ладно!

Это третье «ладно», почти вскрик, царапнуло меня как кинжал. Что ж, я сам выбрал себе дорогу и кару...

А Делия осталась на другой стороне пропасти. Я видел, ей было несладко, и понимал, что творилось у нее на душе. Нет, слез я не ждал, презрения, злобы тоже. Воображение рисовало уставшего от меня человека, который с облегчением вздохнет, с улыбкой скажет: «Герой! Смотри-ка, решился!» Потом с деланным, а через недолгое время уже натуральным равнодушием навсегда вычеркнет меня из своей жизни.

Я был неправ, сильно неправ в ожиданиях. И к случившемуся в действительности совершенно не был готов. Потому что есть логика, есть то, что вместо нее у женщин, а есть еще черт, у которого вовсе свое...

Делия вдруг рассмеялась. По нарастающей, начав со смешка, все сильнее и звонче. Она умела смеяться необыкновенно. При этом сохранять безмятежность

было нереально: заводила всех, кто был рядом, всех. В таких случаях любой, даже самый опечаленный, невольно обнаруживал, как на его лице рождается улыбка.

Мне, однако, сейчас было совсем не до смеха. Я видел перед собой девушку, которая — ясно, как полдень в пустыне, — балансировала на грани истерики, и нещадно терзал себя. Что я мог теперь сделать? Рубикон пройден. Оставалось лишь молча смотреть, как взрывали эмоции бесконечно любимую, но тобой же отвергнутую душу...

Делия справилась, страшного не случилось. Оттолкнувшись от поручня, она перевела дух, с улыбкой взглянула на меня, озорно подмигнула, круто развернулась и пошла вдоль борта. С этого момента в нее уже кто-то вселился, а я перестал ее узнавать. Следуя хмурой тенью на расстоянии, отставая и прячась за другими людьми, выходя ли навстречу или замирая рядом, я был во власти видения новой Делии. Делии, будто сошедшей с ума.

Тогда-то в полной мере до меня и дошло понимание того, что я наделал. Гадая накануне над выбором места последнего свидания, я не придумал ничего лучшего, как взять билеты в вечерний круиз по реке на прогулочном теплоходе (был какой-то праздник... не важно). Так куда ж ей отсюда деваться? У птицы в клетке, наверное, было бы больше свободы! Здесь же: открытая палуба, бортовые проходы и пара общих помещений — все!

Нет, не все. Еще множество праздного люда.

— Стой, кажется, я ее знаю... Делия! Точно! Она!

Это воскликнула женщина, обращаясь к своей подруге. Перед тем я вынужденно остановился возле них.

— Да ладно. Неужто правда? Кому сказать, что вот так... — не поверят. Мы же ее только на сцене... Ой, я ее обожаю!

— Не только ты. Таковую нельзя не любить... Жаль, у ней самой с этим не все в порядке.

— Чего? Она же замужем! Да и поклонников толпы.

— Так ты разве не знаешь? Слушай, что расскажу... Муж-то у нее, спортивный чиновник, все по своим лигам-фигам мотается. И у них разлад уже очень давно. Мне знакомая по секрету сказала, они вместе и не живут, брак только на бумаге остался. А она, — женщина перешла на горячий шепот, — с инвалидом каким-то дружит. Говорят, даже больше того...

— Не может быть! Это не тот ли коматозник, возле которого она в больнице сидела, пока в себя не пришел?

— Он и есть. Их вместе не раз уже видели. Так ладно бы кто солидный, а то обычный работяга, да еще и с изъяном. На него что-то там в цеху упало, вот он и того...

— И ты думаешь, у нее это серьезно? Да ну. Простая благотворительность. Ну, или чуток чего еще. Эка невидаль — бабья жалость.

— Кто знает, что там на самом деле. Только люди говорят, светится она, когда с ним.

Остаться рядом я уже не мог. Стиснул зубы и направился во внутреннее помещение теплохода. «Благотворительность»!

Да, я увидел ее впервые в больнице. Впервые услышал там же, но раньше. Сказали, у тех, кто в коме, иной раз бывает и так. Но именно поэтому, вернувшись в реальность, я уже был влюблен «по уши» в буквальном смысле этой анатомической фразы.

Делька, та еще рассказчица, в те дни поведала мне тысячу и одну историю из мира танцев и музыки. Оказалось, она вела профильный вузовский курс и сама была танцовщицей, одной из тех, на выступления которых неизменно стекалась

восторженная публика. Медперсонал относился к моей Шахерезаде с пиететом, недоумевая однако над причиной ее сердоболы к полумертвому ремесленнику. Недоумевал после и я. А она твердила одно:

— Навещала знакомую, увидела тебя, что-то в душе взлетело.

Да, влюбившись сначала в голос, а затем и в его обладательницу в целом, я стремительно пошел на поправку. И вернулся к ремеслу, несмотря на недуг — одно другому не мешало. Но Делька... Я теперь уже не мыслил дня, когда вдруг ее не увижу. Она стала мне воздухом, водой, светом, той, без которой уже невозможно жить. Вот именно так, не меньше! С той поры, касаясь молотом наковальни, я садил цветы, а рисуя из металла узоры, выращивал сад. Некоторые из моих изделий с триумфом прошли аукцион — их рождение было обязано чувствам к прекрасной женщине.

И да, Делии было со мной хорошо. Что не скрывалось ни от кого, даже там, где в ее положении это виделось безрассудным. Порой я думал, репутация девушки заботила больше меня, чем ее. Со мной она могла вести себя как ребенок, раскрывалась будто, игнорируя строгий свод законов поведения, который диктует общество. Признавалась, что ей со мной очень уютно, тепло, безмятежно, безопасно, легко.

Но день шел за днем, ничего не менялось, но закралась тревога. Однажды высказанное страстное желание видеть предмет своего обожания женой натолкнулось на уже имеющийся статус законной супруги, избавление от которого сопряжено с какими-то объективными и неприятными сложностями. Больше этот вопрос не поднимался. С тех пор я стал воспринимать себя жалким. Игрушкой, приятной забавой, приложением к новым тувелькам, грумом. Догадка случайно подслушанных болтушек угодила в готовую лунку. Благотворительность... Мысли о ней все сильнее хлестали меня по лицу крапивой. Я начал презирать в себе мужчину. Продолжая безумно любить.

Делия... Мне до нее — никак, ей до меня — неправда.

Сегодня, на последнем свидании, решено положить этой ситуации конец. Добровольно прощаясь с той, что проникла в сердце, я жертвовал им и отпускал ее на свободу. Отныне у нее не должно быть никаких обязательств, а у меня безнадежной мечты. Плохо ли, хорошо, но я эту задачу решил. Что будет дальше — не важно. Может, никакого «дальше» и не будет. Такие, как я, все равно среди людей не живут, за них не считаются... А она, умница, справится. У ней, конечно же, все самое лучшее еще впереди.

Вот только с местом свидания вышло по-глупому. Недодумал, тупица. Ушла бы, давно бы ушла, но куда ж ей отсюда уйти? Ругая себя на чем стоит свет, стараясь держаться в тени, я следовал по пятам за девушкой и с нарастающим беспокойством наблюдал небывалую, опасную перемену, происходящую с ней сейчас. Как ни смотри, но я сам был тому причиной.

Делия будто стала безумной. В сгустившихся сумерках ее и без того темные волосы взлетали колдовским веером, а на бледном, как чистая простыня, лице выделялись яркие губы и глаза, которые не горели — огнем полыхали. Она ни секунды не оставалась на месте и в короткое время обратила на себя внимание почти всех пассажиров теплохода, а заодно и команды. В итоге на борту не осталось ни одной компании, в какой бы она не отметилась, неизменно производя настоящий фурор.

Она беседовала, читала стихи и пела, кружилась и танцевала, заводя всех. За официанта разносила коктейли. Грустных бабок, что держались в сторонке, разве-селила в два счета. С мужиками на полуюте по-свойски обнималась и хохотала над их анекдотами. Игрокам за зеленым столом беспардонно спутала ставки, предложив в качестве приза свой поцелуй. Умудрилась вытянуть из рубки капитана и привлечь его к участию в общем конкурсе по надуванию воздушных шаров. Организовала

смешное соревнование по черлидингу среди отдыхающих разного пола и возраста. С веселой молодежью здесь же на палубе устроила совершенно дикие танцы. А с одним из кавалеров торжественно и смело что-то выпила на брудершафт...

Я понимал, на самом деле ей очень плохо. От безысходности. Но чтобы вот так?!..

В конце концов все уже знали, что на борту присутствует настоящая звезда. Обнаружились и давнишние поклонники, славословие и овации которых только будили к продолжению праздничного веселья. Увы, приближалась ночь. Теплоход, освещенный разноцветными огнями и фейерверками, как новогодняя елка, все еще стоял на рейде, готовый к возвращению в город. Но прежде чем заработал двигатель, по громкой связи раздался чей-то проникновенный голос:

— Граждане, это несправедливо. Среди нас — волшебная Делия! Так неужели мы простим себе, если отпустим ее без танца? Давайте попросим?

Разогретая публика отозвалась дружным одобряющим воплем. На палубе мгновенно образовался плотный круг из сотни к этому часу не совсем уже трезвых, но заранее восторженных зрителей.

— Де-ли-я! Де-ли-я! — хором скандировала толпа.

А она вдруг стала обычной, внешне спокойной и тихой, как будто последнего фееричного и сумасшедшего часа не было вовсе. Совсем.

— Хорошо, — еле слышно сказала девушка, — только тему я выберу сама.

У меня появилось предчувствие чего-то ужасного.

Делия приблизилась к ноутбуку с колонками, который был у знакомой молодежной компании, быстро пролистала музыкальный каталог и указала пальчиком:

— Вот эта.

— Альбинони?? — изумился вихрастый ди-джей. — Ее ж на похор...

— Ее! — настойчиво перебила девушка.

— Ай, красавица! — причмокнул недалеко стоящий ловелас-южанин. — Зачѐм ты замужем? Вѐришь, я бы тебя каралевой сдѐлал!

— Ну почему? Я свободна, — грустно улыбнулась Делия и уточнила: —

Прежний Король вчера наконец вернул мне свободу. А Принц, — она поискала глазами кого-то, — Принц сегодня мне тоже ее подарил. Так что... — она мягко развернулась и направилась в круг.

Меня прошиб пот!

А южанин крикнул ей в спину:

— Дагаварились. Сайдем на берег, павезу тебя ва дварѐц.

— Даже не думай, — процедил я, повернувшись.

— Что ты мычишь, как баран? — выпучил он глаза. — Русский язык нѐ знаешь, что ли?

— Охолонись, «земляк». Рискуешь, — бросили ему, указав на мои кулаки.

— Ой, — заметил кто-то из толпы неподалеку, — да это же, кажется, тот, кузнец. Ну, с которым она...

— «Зачѐм кузнец? Кузнец нам нѐ нужен», — спрятался за шуткой южанин.

Но меня он уже не интересовал. Все внимание было к тому, что происходило на импровизированной «сцене», в центре круга. Делия разулась, без смущения стянула с себя через голову платье и обернулась в него, как в тунику, как-то закрепив на груди. Замерла. Дождалась первых аккордов и начала танец...

Небеса наградили мою любовь фантастическим талантом вовлекать зрителя в иную, дивную реальность. Я был на ее выступлениях дважды и видел, какой силы они производили эффект. Солидные чиновники, военные при внушительных эполетах, блистающие нарядами и украшениями дамы, деятели от культуры, словом, весь эстетствующий бомонд при виде Делии терял от эмоций голову. Люди

поднимались с мест, дрожали в волнении, в голос рыдали и проявляли искренний восторг, когда она танцевала, всегда. Даже я, кустарь, далекий от столь тонкого вида искусства, был потрясен не на шутку. Что уж говорить о тех, кто знал в этом толк!

Вот и сейчас происходило нечто необыкновенное. Пестрая публика, состоящая из праздно отдыхающих самых разных возрастов и социального положения, естественно, с неодинаковыми предпочтениями, вдруг слилась в единую волну, чутко реагирующую на каждое движение танцовщицы. Зрители были заморожены ею так, будто участвовали в действии сами. Несмотря на сумерки, это четко отпечаталось в положениях тел и на лицах. Казалось, никто не дышал. У некоторых по щекам лились слезы. А у меня потемнело в глазах и защемило сердце, потому что это был танец смерти.

Альбиони. Ну, конечно, я помнил! Делия рассказывала мне историю о скрипаче, «венедианском дилетанте», как одно время он сам себя называл, создавшем уникальную мелодию для органа и струнных, которая лишь чудом не затерялась в веках. Говорили даже, что, дескать, автор вовсе не он, а тот, кто ее «обнаружил». Но не в том дело. Я вспомнил и ужаснулся, потому что музыка эта традиционно воспринимается как прощальная, скорбная. И Делия... она сейчас не просто танцевала, а умирала!

Куда-то исчез весь мир, пропал без следа, растворился, растаял. Вместо него здесь, на палубе маленького теплохода, пузырьком распахнулся другой, который мгновенно вовлек в себя абсолютно все, что было. Чувственность и только она повсюду теперь царила. Необыкновенная, обнаженная, чистая, беззащитная и одновременно великая. Нет, это не тело в парящей дымке туники волшебю кружилось, не руки нежно стелились, ломались ли, отчаянно звали тебя, и не босые девичьи ноги, едва касаясь опоры, жилками крыла бабочки рисовали чарующие узоры — это гасла душа...

И она угасла! Когда стихла музыка, а танцовщица поникла и окончательно замерла, никто не сдвинулся с места, не шелохнулся, не издал звука. От шока кто-то лишь втянул в себя воздух, будто в последний раз.

Я зарычал. Растолкал людей и бросился к Делии. Неподвижная, кажется, она уже не дышала.

Господи, помоги!!!

Девушку, легкую, безвоздушную, как пушинку, я приподнял на колени и — я не знал, что делать! — принялся беспорядочно целовать.

Лишь бы успеть! Но что предпринять? Как возвращать из такого??

Послышался чей-то всхлип. Я застонал.

Делия вздрогнула. Как ветром взметнуло ресницы. Она улыбнулась, тихо сказала:

— Ванька. Дурак. Не прогоняй меня больше, любимый...

И прильнула ко мне, как меей обвила, как под кожу проникла, прямо к сердцу. От счастья внутри меня что-то бомбой взорвалось.

— Дееееелькааааааа!!! — заорал я изо всех сил в небо.

Эхо? Не показалось?

С тех пор, как она разбудила меня из комы, это было первое слово, которое я произнес.

